

Глава 13. Китай в середине XIX — середине XX в.

Первая опиумная война и открытие Китая для европейской колониальной экспансии означали вступление огромной многотысячелетней империи в новый этап ее существования, в период колониализма. К этому времени маньчжурская династия Цин уже пережила период своего расцвета и явно клонилась к упадку. Собственно, поражение цинского Китая в опиумной войне и было наглядным проявлением этого упадка, а навязанная стране система неравноправных договоров, предоставлявшая иностранному капиталу торговые, таможенные и иные экономические, политические и правовые льготы и привилегии, стала неким символом нового этапа в ее истории. Многие теперь зависело от того, как традиционная структура столь мощной и обширной империи с ее тысячелетними исключительными по силе и значимости традициями будет реагировать на перемены в жизни страны. Реакция эта не могла быть слабой – слишком большие силы пришли в движение. Вопрос был лишь в том, какую форму примет ответ древней империи на вызов эпохи и символизировавшей ее чужеземной системы колониального капитала.

Крестьянская война тайпинов

Политика самоусиления и попытки реформ

Восстание ихэтуаней

Сунь Ят-сен и Синьхайская революция

Гоминьдан и борьба за единый независимый Китай

Японо-китайская война и победа КПК

Крестьянская война тайпинов

Эта форма вначале оказалась традиционной для Китая, т. е. такой, в которой почти не была заметной антииностранная, антизападная линия недовольства. Даже напротив, чуждые традиционной структуре западные христианские идеи сыграли чуть ли не решающую роль в формировании той идейной доктрины, под знаменем которой многомиллионные массы китайского крестьянства выступили против царствующей династии и даже были близки к тому, чтобы одержать над ней верх. Как это могло случиться и как это понимать

Кризис империи начался, как упоминалось, с увеличения ввоза в Китай опиума, результатом чего было как массовое отравление населения южных провинций страны, так и выкачка из нее серебра и связанный с этим резкий финансово-экономический

дисбаланс (лян, т. е. унция серебра, в 1830 г. соответствовал примерно 1000 медяковвэней, в начале 40-х годов – полутора тысячам, в 1848 г. – двум тысячам, а в начале 50-х годов – почти пяти тысячам). Обесценение медяков, в которых вели свои расчеты миллионы крестьянских семей, вело к росту налогов (ставки налога традиционно исчислялись в лянх) и массовому разорению земледельцев, что, в свою очередь, послужило причиной восстаний, вспыхивавших в Китае одно за другим, особенно на юге, в конце 40-х годов. Восстаниями руководили различные тайные общества, идейно-доктринальная основа которых при всем разнообразии восходила примерно к одинаковому набору лозунгов и требований, окрашенных чаще всего в религиозные, преимущественно даосско-буддийские цвета: восстановить социальную справедливость, покарать нерадивых чиновников, отнять излишки у богатых. На этом общем фоне в начале 50-х годов выдвинулось движение тайпинов.

Идея тайпин (великое равенство) восходит к рубежу нашей эры и в свое время вдохновила участников восстания “Желтых повязок” в Хань. Однако теперь она стала интерпретироваться несколько иначе. Идеолог движения тайпинов Хун Сю-цюань (1814–1864), неудавшийся претендент в конфуцианские сюцаи (он трижды терпел поражение на экзаменах на первую степень), в начале 40-х годов в Гуанчжоу (Кантоне), куда он ездил сдавать экзамены, сблизился с христианскими миссионерами и проникся их идеями. Из христианства Хун взял, во-первых, идею о высшем едином Боге, чьим пророком он вскоре стал себя воспринимать, а во-вторых, столь близкую китайской традиции идею о социальном равенстве и справедливости, которую он идентифицировал с принципом тайпин.

Хун основал новое “Общество поклонения Богу” с традиционной для китайцев внутренней сплоченностью, железной дисциплиной, полным повиновением младших и низших высшим и старшим. Он резко выступил против привычных для восставшего китайского крестьянства даосско-буддийских лозунгов и изображений, заменив их почитанием высшего христианского Бога, идентифицированного в какой-то мере с конфуцианским Небом, что, однако, на практике вполне сочеталось как с традиционным конфуцианским культом морального совершенства, самодисциплины, ритуального церемониала, так и со столь же традиционными даосско-буддийскими требованиями равенства в его наиболее примитивной уравнилельной форме. Эта смесь оказалась достаточно жизнеспособной для того, чтобы увлечь миллионы ставших тайпинами китайских крестьян. Войско тайпинов, хорошо организованное, разбитое на мелкие военно-религиозные ячейки с совместным строго регламентированным бытом (общность имущества и снабжение из общих складов, казарменные условия существования), стало быстро одерживать победу за победой, занимать один южнокитайский город за другим. Сделав своей столицей Нанкин, тайпины вскоре оказались перед необходимостью организовать управление уже достаточно большим государством. Казарменный аскетизм был для этого недостаточен. Пришлось ориентироваться на традиционные китайские формы управления, вплоть до конфуцианских экзаменов на ученую степень. Естественно, это не могло не поколебать прежних устоев и принципов идеологии тайпинов.

Уже в середине 50-х годов движение тайпинов, как это не раз случалось в аналогичной ситуации с крестьянскими восстаниями в Китае, обрело очертания привычной для империи бюрократической структуры. Руководители движения получили княжеские титулы, обзавелись дворами и гаремами, стали ожесточенно соперничать

между собой за власть. Тем временем события в Китае и явная неспособность маньчжурской династии справиться с восставшими начали всерьез беспокоить европейские державы, лишь недавно открывшие двери Китая для колониального капитала. Воспользовавшись незначительным инцидентом в качестве предлога, англичане осенью 1856 г. высадили войска в Гуанчжоу. Позже к ним присоединились французы. Гуанчжоу был захвачен, войска стали продвигаться к Шанхаю, затем (в мае 1858 г.) были высажены на севере, близ Пекина и Тяньцзиня. Цинские власти предпочли пойти на переговоры и новые уступки державам (Тяньцзиньский договор 1858 г.). Правда, вскоре после подписания договора чуть оправившиеся от испуга маньчжурские власти решили было частично изменить его условия, но новая серия вооруженных столкновений китайских войск с экспедиционным корпусом держав, завершившаяся поражением Китая и разгромом знаменитого комплекса летних императорских дворцов Юаньминьюань, разграбленных и сожженных колонизаторами, привела к подписанию в 1860 г. Пекинских соглашений. На сей раз последовали еще большие уступки державам – уже не только Англии и Франции, но и России.

Тем временем тайпины, некоторое время находившиеся в состоянии острого внутривластного кризиса, как бы обрели свое второе дыхание. В 1859 г. в Нанкин прибыл один из близких родственников Хун Сю-цюаня – Хун Жэнь-гань, ряд лет проведший в Гонконге в общении с христианскими миссионерами. Он принес с собой программу новых реформ, явственно несших отпечаток иноземного влияния. Суть преобразований сводилась к тому, чтобы содействовать частнособственническому предпринимательству, заимствуя при этом у Запада его опыт, достижения и даже некоторые институты. Но при этом следовало по-прежнему укреплять дисциплину, бороться с суевериями и всемерно укреплять власть государства. Впрочем, нововведения Хун Жэнь-ганя в том, что касается следования западному опыту, не могли быть реализованы. Более того, поладившие с цинским двором державы теперь, с начала 60-х годов, были заинтересованы в том, чтобы покончить с тайпинами (по букве новых договоров с Китаем после разгрома тайпинов они приобретали некоторые привилегии в районе бассейна Янцзы, оплота государства восставших).

Это привело к тому, что державы, с одной стороны, стали вооружать маньчжурское войско, а с другой – сами решили вмешаться в ход военных действий. Была создана бригада во главе с англичанином Уордом (после его смерти ею командовал Гордон), которая нанесла тайпинам ряд существенных поражений. Активизировали военные действия и добились некоторых успехов и цинские армии. Началась блокада Нанкина. И хотя отдельные группировки войск тайпинов (в частности, армии Ши Да-кая) время от времени еще достигали успехов, участь восстания в целом была уже решена. В 1864 г. Нанкин был взят штурмом, Хун Сю-цюань покончил с собой, Хун Жэнь-гань был взят в плен и казнен. Вскоре и оставшиеся войска тайпинов прекратили сопротивление. С последней в истории императорского Китая великой крестьянской войной было покончено. Восставшие потерпели поражение.

Феномен тайпинского восстания поучителен во многих отношениях. Но для нашего анализа важнее всего обратить внимание на его общую политико-идеологическую направленность. Это не была антизападная, антиколониальная акция, не было сопротивление традиционной структуре нежелательным нововведениям. Дело в том, что нововведения как таковые еще не успели сказаться и повлиять на структуру, вызвать с ее стороны сопротивление. А то, что уже успело проявить себя (ввоз опиума,

утечка серебра и финансово-экономический кризис), было лишь привычными в истории империи сигналами, свидетельствующими о нарушении приемлемой жизненной нормы и о необходимости противостоять такого рода нарушениям. К этому китайская традиционная структура привыкла, на этот случай существовали веками отработанные нормы социально-политической реакции. Именно так и следует расценивать крестьянские движения 40-х годов, приведшие в итоге к восстанию тайпинов. Целью тайпинов, как это явствует из их лозунгов и практики, было стремление восстановить нарушенную норму, добиться социальной справедливости (такой была цель всех китайских, да и не только китайских крестьянских движений). Средством для достижения цели были опять-таки привычные для традиционного Китая формы, сводившиеся к созданию нового государства, организованного по обычной для Китая модели (альтернативы просто не было), но более непримиримого к отклонениям, наносящим вред стране и народу. Непривычным было идейное наполнение политических программ.

Речь идет как о христианстве, так и о программе реформ Хун Жэнь-ганя с ее попытками провозгласить курс на поддержку частнопредпринимательской деятельности. То и другое оказало сравнительно слабое воздействие на ход и идейное содержание движения тайпинов. Для реализации курса на частное предпринимательство просто не было условий. Что же касается христианских идей, то ориентация на них в политике свелась по сути лишь к борьбе с привычными даосско-буддийскими суевериями (не вполне ясно, дала ли эта борьба желаемые результаты, что сомнительно). В остальном от христианства мало что осталось. Судя по всему, идея Бога была поглощена привычным представлением о конфуцианском Небе, а сакральность пророка Хуна слилась в представлении масс с обычной для них сакральностью верховного правителя, сына Неба. Поэтому вернее вести речь не столько о роли западной религии и западных влияний в идеологии тайпинов, сколько о самом факте, самом феномене. Суть и смысл этого феномена в том, что Запад и его идейный символ – христианство в середине прошлого века, на заре колониальной экспансии в Китае, не воспринимались как нечто чуждое, угрожающее, одиозное. Это было что-то новое, необычное и даже в чем-то близкое своему, привычному – именно эти близкие к китайской традиции моменты и были заимствованы из христианства Хун Сю-цюанем.

Иными словами, тайпинское восстание не было в полном смысле реакцией традиционной китайской структуры на колониализм. Оно было реакцией на кризис, хотя сам кризис был спровоцирован колониализмом. Что же касается христианства, то о католической его версии, связанной с пребыванием в Китае в XVI–XVII вв. иезуитов, страна уже успела забыть за долгие века ее изоляции от европейцев. Протестантская же версия, с которой и познакомился Хун после открытия Китая для колониальной экспансии, еще не успела стать символом чуждого влияния. Просто то, что было в этом учении созвучным с традицией, оказалось воспринятым идеологами тайпинов.

Поражение тайпинов сняло проблему влияния христианских идей среди крестьян, но поставило немало новых вопросов, важных для страны. Первым из них был вопрос о формах существования Китая в новых условиях. Условия эти характеризовались, с одной стороны, слабостью династии, с трудом восстанавливавшей свои силы после изнурительной войны с тайпинами и энергичного натиска колониальных держав; с другой – проникновением в страну иностранного капитала и связанным с этим

постепенным крушением традиционной структуры, неизбежной и мучительной переоценкой ценностей под воздействием европеизации. Найти выход из сложившейся ситуации оказалось для Китая делом весьма нелегким. Решение проблемы затянулось более, чем на столетие. Но его основные принципы начали отчетливо вырисовываться сразу же после тайпинского восстания. Они сводились к тому же, что было характерно для всего Востока: к сопротивлению и приспособлению. Впрочем, в Китае и то, и другое приняло, естественно, свои, китайские, обусловленные тысячелетней традицией формы.

Политика самоусиления и попытки реформ

Продемонстрированная в годы опиумных войн и тайпинского восстания слабость цинской империи и энергичное укрепление в Китае колониального капитала вызвали к жизни естественную реакцию самосохранения. Проявлением ее стала политика самоусиления, ставшая генеральной линией империи в последней трети прошлого века. Поставленные перед очевидным фактом, правители империи, начиная от всецельной императрицы Цыси и ее ближайших помощников типа Ли Хун-чжана и кончая чиновниками на местах, вынуждены были признать превосходство европейского оружия и западной техники. Стремление заимствовать все это и поставить на службу Китаю и явилось основой политики самоусиления. Иными словами, дело модернизации страны руководители цинского Китая решили взять в свои руки, оставив за колониальными державами лишь право на торговые операции и финансирование промышленного и иного строительства. Конечно, колониальный капитал тоже быстро укреплял свои позиции в Китае в конце прошлого века, создавая там свои предприятия и расширяя внешнеторговый оборот, но все же основной рост промышленного потенциала и всей инфраструктуры шел преимущественно за счет централизованных усилий китайского государства.

Здесь надлежит сделать существенную оговорку. Речь идет не о хорошо продуманной и официально принятой на высочайшем уровне новой экономической политике. Как раз напротив, верхи империи во главе с Цыси были сравнительно мало озабочены проблемами самоусиления, да и не были готовы для этого. Другое дело – влиятельнейшие деятели империи, фактически державшие в своих руках власть над

теми или иными регионами страны и имевшие в своем распоряжении сильные армии и огромные средства. Существовая как бы сами по себе, они в то же время не только не были в оппозиции к центру, но практически действовали; от его имени, будучи облечены высокими полномочиями, сохраняя за собой высшие официальные посты. Регионализация Китая по этому принципу не была чем-то новым. Напротив, по меньшей мере с конца Хань это было нормой в тех условиях, когда центральная власть оказывалась не в состоянии сохранить свои позиции либо справиться с крестьянским восстанием. В этих случаях инициативу и брали на себя сильные дома, создававшие собственные армии, вступавшие в борьбу с повстанцами и затем вершившие делами империи. Так было в конце Хань. Нечто похожее стало реальностью и после подавления восстания тайпинов.

Внесшие весомый вклад в это дело высшие сановники империи Ли Хун-чжан, Цзэн Го-фань, Цзо Цзун-тан и некоторые другие уже с начала 60-х годов стали на путь энергичного строительства в своих регионах арсеналов, верфей, механических предприятий с тем, чтобы перевооружить собственные армии и тем усилить вооруженную мощь империи. Частично эта деятельность финансировалась за счет казны, отчасти – за счет поборов с имущих слоев того региона, который находился под контролем данного сановника, в немалой степени – за счет награбленного в ходе войны с тайпинами. Компании, строившие арсеналы и заводы, верфи и шахты, не останавливались и перед тем, чтобы привлечь частный капитал – средства купцов, шэныпи, земледельцев. Но вносящие его собственники, как правило, не имели голоса при решении проблем, связанных с производством и финансами компании; в лучшем случае они регулярно получали свою долю дохода в виде процентов на вложенный капитал. Практически это означало, что заимствованный у иностранцев принцип капиталистического производства в китайской реалии конца прошлого века обрел форму государственного капитализма. Теоретически это было обосновано в классическом тезисе самоусиления: “Китайская наука – основа, западная – (нечто) прикладное”. Смысл его состоит в том, что китайская конфуцианская основа во всех отношениях не ставится под сомнение, тогда как все заимствованное с Запада перенимается для того, чтобы дополнить основу. К этому стоит добавить, что в Китае стали появляться многочисленные сочинения, разрабатывавшие этот постулат в том смысле, что вообще-то все великие изобретения и достижения Запада не что иное, как результат заимствованных в свое время из Китая идей, так что нет ничего удивительного в том, что теперь все эти несколько видоизмененные идеи китайцы вправе взять на вооружение.

Рост иностранной торговли в Китае вел к накоплению в стране немалых средств за счет таможенных сборов. Эти средства, как и иностранные займы, тоже шли на форсирование политики самоусиления, в первую очередь на создание индустрии вооружения. Впрочем, немалая доля их прилипла к рукам гигантского аппарата власти, вплоть до императрицы, которая предпочитала строить дворцы на деньги, предназначавшиеся для перевооружения армии. Регионализация страны и продажность аппарата власти сильно ослабляли империю и во многом нейтрализовывали возможные успехи политики самоусиления. Протекционизм и коррупция вели к назначению на важные посты бездарных протеже высших сановников – и это тоже делало свое дело. Отсюда – недостаточная эффективность политики самоусиления, что стало очевидным при первых же серьезных испытаниях, какими

явились война Китая с Францией за Индокитай в 1884–1885 гг. и японо-китайская война 1894–1895 гг. Обе войны, в ходе которых империя столкнулась с хорошо вооруженными и умело руководимыми армиями, привели Китай к поражению и немалым потерям: Вьетнам, а затем Корея и Тайвань перестали быть вассальными по отношению к Китаю территориями, частями империи. Это был уже крах политики самоусиления, оказавшейся несостоятельной.

Военные поражения и крушение политики самоусиления логически привели к очередному натиску на Китай колониальных держав, усиливавших свои экономические и политические позиции в дряхлеющей империи. Основной финансово-экономической силой в Китае стали иностранные банки; в ходе так называемой битвы за концессии державы получили в свои руки контроль над быстроразвивающимся железнодорожным строительством; немалые деньги иностранный капитал вложил также в судоходство, хлопчатобумажную и некоторые иные отрасли промышленности. Правда, параллельно с этим продолжалось и создание казенных предприятий – горнорудных, металлургических, текстильных. Но все они, как правило, были экономически неэффективными, технически отсталыми.

Первые шаги в конце века начала делать и китайская национальная частная промышленность, хотя частные фабрики и иные предприятия были еще, как правило, мелкими и экономически слабыми. В целом капиталистическое развитие Китая наращивало свои темпы, но формы его были типичными для традиционных восточных структур: преобладали предприятия иностранного капитала и казенные, государственные. Для развития национального капитала в стране еще не были созданы необходимые условия, в частности правовые, экономические. И это несоответствие вполне ощущалось в конце XIX в. Передовые умы Китая, уже немало заимствовавшие из европейского опыта и многое узнавшие о Западе, все более настойчиво пропагандировали необходимость серьезных внутренних реформ, которые были бы способны освободить страну от сковывавших ее оков традиционной структуры и открыть двери для активных преобразований.

Движение за реформы связано прежде всего с именем выдающегося китайского мыслителя Кан Ю-вэя (1858–1927), пытавшегося сочетать блестящее традиционное конфуцианское образование с глубоким анализом современной ему эпохи. В своем знаменитом сочинении “Датун шу” Кан Ю-вэй на базе древних китайских учений о социальной справедливости, а также заимствованных им у европейских философов утопических доктрин пытался создать генеральную теорию всеобщего благоденствия в условиях столь привычного для Китая отсутствия частной собственности и умело организованного общественного хозяйства. В этой теории было немало и от тех эгалитарных устремлений, которыми вдохновлялись восставшие китайские крестьяне со времен ханьских “Желтых повязок” до тайпинов. Но заслугой Кана было то, что он не ограничился теоретическими утопиями, а весьма ревностно взялся за практические дела, обличая в своих меморандумах трону царящие в стране произвол, коррупцию, выступая в защиту угнетенного народа. Конечно, и это все не было новым в истории Китая: еще сравнительно недавно, несколько веков назад, минские конфуцианцы столь же страстно обличали пороки временщиков и звали к восстановлению утраченных конфуцианских порядков. Но Кан не стал повторять их призывы. В отличие от своих предшественников, тоже выступавших за реформы, он призвал к преобразованиям, направленным на изменение всей системы государственного устройства. Опираясь на

авторитет Конфуция, Кан Ю-вэй потребовал введения в стране конституционной монархии на парламентской основе, демократизации, активного заимствования западных стандартов, включая введение новых законов, поддержку частного предпринимательства, решительных преобразований в сфере экономики, администрации, просвещения и культуры и т. п.

Меморандумы Кан Ю-вэй и его сторонников с середины 90-х годов приобрели достаточно широкую поддержку. В 1895 г. была создана “Ассоциация усиления государства”, члены которой выступали за реформы. С сочувствием отнесся к предложениям Кан Ю-вэй и молодой император Гуансюй. По всей стране стали возникать организации Ассоциации, издаваться газеты и журналы, в которых пропагандировались идеи реформаторов. Борьба за реформы вспыхнула с особой силой после знаменитого инцидента 1898 г., когда в ответ на убийство двух немецких миссионеров Германия оккупировала район бухты Цзяочжоу с городом Циндао на полуострове Шаньдун, а вслед за ней изрядные куски китайской территории захватили Англия (Коулун), Франция (побережье Гуанчжоувань) и Россия (Порт-Артур и Дальний).

Эти захваты, означавшие по сути переход к разделу Китая колониальными державами, были весьма болезненным сигналом для империи и не могли не вызвать в стране взрыв негодования. Сторонники реформ стали создавать “Союзы защиты государства”, а летом того же 1898 г. Гуансюй решился на проведение реформ. Кан Ю-вэй и его сторонники (наиболее известны из них Лян Ци-чао, Тань Сы-тун) разработали обстоятельную программу, включавшую содействие развитию промышленности, отмену ряда старых и введение новых административных институтов, открытие новых школ и вузов, издание книг и журналов, реорганизацию армии, поощрение современной науки и т. д. Однако как реформаторы, так и сам Гуансюй имели мало реальной власти для того, чтобы осуществить эту программу. Высшие должности в стране занимали их открытые противники, явно саботировавшие нововведения. А за спиной оппозиции и самого Гуансюя стояла выжидавшая развития событий всемогущая Цыси. Было очевидно, что без решительных акций успеха реформаторам не добиться.

Наиболее радикальные из лидеров реформаторов предложили Гуансюю убрать Цыси и ее сторонников. Переворот был намечен на октябрь 1898 г., когда должны были состояться большие маневры войск. Однако привлеченный реформаторами для осуществления этого плана генерал Юань Ши-кай выдал их планы, после чего Цыси, опередив события, приказала арестовать Гуансюя и вождей реформаторов. Тань Сы-тун и многие другие реформаторы были казнены. Гуансюй лишился трона. Кан Ю-вэй и Лян Ци-чао, которым удалось бежать, опираясь на помощь Англии и Японии, сумели спастись, но дело их оказалось проигранным. Сто дней реформ не дали результата, породили мощную ответную волну репрессий, вызвавших сочувственную поддержку со стороны масс китайского населения. Китай увидел в попытке реформ козни иностранцев. После казни группы реформаторов в Пекине начались открытые антииностранные выступления, для подавления которых были вызваны войска охраны. В то же время цинские власти во главе с Цыси не спешили с наведением порядка, опять-таки выжидая, как пойдут события дальше.

Восстание ихэтуаней

Взрыв ненависти по отношению к иностранцам подспудно вызревал уже давно. Недовольство “заморскими дьяволами”, “иностранными варварами” становилось весьма широким, причем проявлялось оно прежде всего на местном уровне, главным образом в антимиссионерских выступлениях. Миссионеры активно действовали в Китае; именно они прежде всего контактировали с китайским крестьянством. Естественно, что они первыми испытали на себе мощь традиционной структуры и силу сопротивления Китая всему чуждому, что как раз и олицетворяли в конце XIX в. миссионеры. С лета 1898 г. и особенно после провала реформ антимиссионерское движение все нарастало и в ряде мест начинало принимать организованные формы. Под лозунгом “Поддержим Цин, уничтожим иностранцев!” повстанцы в различных провинциях страны разрушали христианские церкви и дома миссионеров, преследовали принявших христианство китайцев (их было весьма немного), а заодно громили лавки иностранных торговцев, помещения иностранных консульств в торговых центрах. Открытая поддержка державами курса на реформы расставила все на свои места. Страна после ста дней реформ оказалась накануне мощного народного взрыва, взрыва ярости, направленного против хозяйничавших в стране иностранцев, против вторгшегося в Китай колониального капитала, против всех тех новых порядков, которые противостояли старому, привычному, нормативному, опиравшемуся на мощные пласты тысячелетий, на окрашенный в конфуцианские и даосско-буддийские тона цивилизационный фундамент. Ощущая поддержку населения, правительство Китая в конце 1898 г. встало на более жесткие позиции по отношению к иностранцам, отказывая им в просьбах о концессиях либо аренде территорий. Обстановка в Пекине становилась все более накаленной. Иностранные миссии ввели в город вооруженные отряды для своей охраны. В Пекине и по всей стране распространились слухи о предстоящей расправе с иностранцами, а также листовки, в которых высмеивались европейцы, особенно миссионеры. Возглавило антииностранное движение общество “Ихэтуань” (“Отряды справедливости и мира”), доктринальная основа которого восходила к даосско-буддийским верованиям, суевериям, традиционным приемам китайской гимнастики и кулачного боя (за что восставшие позже получили в европейской прессе наименование “боксеров”), не говоря уже о ритуалах, амулетах, заклинаниях и т. п.

Выступления ихэтуаней начались в провинции Шаньдун еще в 1898 г. и были направлены против немецких миссионеров, солдат и специалистов, намечавших трассу

железной дороги. Местные власти пытались навести порядок, но движение, несмотря на это, все ширилось. В 1899–1900 гг. оно переместилось в столичную провинцию Чжили. Многочисленные отряды расположились близ Пекина и Тяньцзиня. Обеспокоенные иностранные дипломаты настаивали на принятии решительных мер против повстанцев, но цинское правительство не спешило с этим. Обстановка тем временем становилась все более угрожающей. В конце мая 1900 г. на совещании посланников держав было принято решение направить в Пекин дополнительный контингент войск для охраны миссий. Кроме того, в адрес цинского правительства были направлены заявления угрожающего характера, которые 17 июня были подкреплены захватом крепости Дагу близ Тяньцзиня сводным отрядом иностранных войск, что фактически означало объявление войны.

Цыси колебалась, не зная, что предпринять. Большинство ее советников склонялось к поддержке ихэтуаней и использованию подходящего момента для того, чтобы дать отпор державам. Именно эта точка зрения и возобладала. Императрица открыла ворота Пекина перед ихэтуанями, а также ввела в город регулярную армию, солдаты которой тоже были резко настроены против иностранцев. 11 июня в Пекине солдаты убили на улице советника японского посольства Сугияму, 20 июня – немецкого посланника Кеттелера. Это означало объявление войны, что и было официально подтверждено императорским указом от 21 июня (в ответ на ультиматум держав от 19 июня). Указ официально санкционировал восстание ихэтуаней, хотя и стремился поставить их действия под контроль властей.

Следует заметить, что и после официального объявления военных действий цинское правительство продолжало колебаться и стремилось сохранить за собой пути к отступлению. В принципе это можно понять: несмотря на официальную защиту ихэтуаней, власти отчетливо сознавали, что они имеют дело с неуправляемой стихией, которой следовало опасаться. И хотя стихия пока что шла в русле лозунга “Защитим Цин, уничтожим иностранцев”, ручаться за будущее не представлялось возможным. Державы же реагировали на ситуацию бурно и действовали весьма активно. В короткий срок была создана 20-тысячная союзная армия восьми держав, 3 августа она выступила на Пекин. Хорошо вооруженные дисциплинированные войска интервентов легко одолели сопротивление повстанцев и 14 августа заняли столицу. Бежавшая в Сиань Цыси, быстро оценив обстановку, взвалила всю вину за поражение на ихэтуаней. Указ от 7 сентября обвинил именно их в создавшемся положении, после чего цинские войска выступили против ихэтуаней. Восстание было подавлено, потоплено в крови, а год спустя, 7 сентября 1901 г. Ли Хун-чжан от имени цинского правительства подписал с державами так называемый Заключительный протокол, по условиям которого Китай извинялся за причиненный державам ущерб, обеспечивал им ряд новых льгот и привилегий и к тому же обязывался выплатить в качестве контрибуции 450 млн. лянов серебра.

Восстание ихэтуаней было, по сути, последней вспышкой агонии старого Китая. Оно не было обычным крестьянским движением, ибо острие его не было направлено – как то было во времена тайпинов – на защиту социальной справедливости, против произвола властей, за восстановление желанной нормы. Это было отчаянное выступление рушащейся старой традиционной структуры в свою защиту, за сохранение привычкой нормы, против вмешательства чужаков, против колониализма. Именно поэтому и стал возможным пусть временный, но все же союз восставших с властями – тех и других

объединяли общие интересы. Почему же их союз не привел к победе

Традиционный Китай оказался слаб не потому, что восставшие были плохо вооружены, хотя это сыграло свою роль. Слабость его определялась совокупностью многих причин и не в последнюю очередь тем, что империя находилась на нисходящем витке своего цикла, что внутренняя коррупция и произвол в стране достигли предела, что уже не было единого стержня, единой политики, вокруг которой могли бы сплотиться все. Страну раздирали противоречия, верхи боялись низов и не доверяли им, а низы, в свою очередь, презирали верхи за разложение и приспособленчество, за их готовность сотрудничать с колонизаторами. Конечно, подобные ситуации не раз бывали в истории Китая на аналогичном витке циклического династийного развития империи. И они, как о том говорилось, – решались за счет мощных народных движений либо внешних вторжений, игравших очистительную роль, восстанавливавших порушенную злоупотреблениями норму. Собственно, тайпинское восстание и было такого рода движением, но оно не преуспело, причем в значительной мере из-за вмешательства тех же держав. Восстание ихэтуаней было иным по духу, по направленности, что и естественно: в этот момент главным, что угрожало привычной норме, было вмешательство чуждых привычной норме сил – не просто иностранцев, которые со временем могли бы китаизироваться, как то случилось с теми же маньчжурами, но структурно иных сил, грозивших всей системе как таковой. Как знать, при ином стечении обстоятельств события, быть может, могли бы повернуться иначе. Но в самом начале XX в. Китай был еще не готов к организованному сопротивлению. Оно началось стихийно, запуталось в противоречиях и не имело времени для стабилизации. Все это и предопределило сравнительно легкую победу небольшого войска держав над беспомощным одряхлевшим гигантом. И победу эту не следует считать неожиданной: она была логичной в ряду других поражений Китая, например в войнах с Францией и Японией.

Вслед за победой держав Цыси предприняла, теперь уже от своего имени, вторую попытку реформ. Целью ее “новой политики” было стремление как-то приспособиться к изменившимся обстоятельствам, модернизировать экономику страны, аппарат административного управления. Были проведены реформы армии, судопроизводства, создано министерство по делам торговли. В 1905 г. была отменена система государственных экзаменов, альтернативой которой стала сеть начальных, средних и высших учебных заведений. В Китай вернулись бежавшие из него несколько лет назад реформаторы; причем основное знамя преобразований поднял теперь Лян Ци-чао, призвавший страну к осознанию чувства национальной общности, к пробуждению в народе гражданских чувств. И эти призывы находили свой отклик. Китай стремительно радикализировался. Образованная молодежь, немалая часть которой получала образование за границей, прежде всего в быстро развивавшейся Японии, была настроена весьма патриотично, ее буквально переполняли гражданские чувства, звавшие на борьбу за возрождение родины, за ее будущее. Страна была. накануне новых важных событий.

Сунь Ят-сен и Синьхайская революция

Южные районы Китая, где ранее всего закрепились колонизаторы и были созданы наиболее благоприятные условия для модернизации и европеизации, включая миссионерские школы и колледжи, постепенно становились центром формирования радикально настроенной молодежи, будущих китайских революционеров. Одним из наиболее известных среди них был Сунь Ят-сен (1866–1925), учившийся в молодости в Гонолулу, где проживал его брат-эмигрант, а затем получивший образование в миссионерских школах и медицинском колледже Гуанчжоу и Гонконга. Хорошо образованный, широко эрудированный, повидавший мир, Сунь Ят-сен, как и в свое время Кан Ю-вэй, попытался соединить в своем лице и своем учении традиции классического Китая и необходимые нововведения, заимствованные с Запада. Созданный им еще на Гавайях и затем воссозданный в Гуанчжоу “Союз возрождения Китая” в конце XIX в. объединял в своих рядах сотни членов; он ставил своей целью свержение цинской династии, создание в стране демократического правительства и проведение в Китае радикальных реформ. Попытки сблизиться с реформаторами встретили непонимание со стороны Кан Ю-вэя и только после поражения и бегства реформаторов, уже в Японии, в эмиграции (Сунь Ят-сен был вынужден эмигрировать после неудавшейся попытки восстания в 1895 г.), эти попытки дали некоторые результаты (соглашение Сунь Ят-сена с Лян Ци-чао), но ненадолго. Вскоре пути реформаторов и возглавляемых Сунь Ят-сеном революционеров окончательно разошлись.

Еще одна попытка поднять восстание – в разгар движения ихэтуаней, в 1900 г., – снова потерпела поражение. Но после разгрома восстания ийэтуаней и второй попытки реформ ситуация в стране, как упоминалось, стала изменяться. В Китае и вокруг него, в центрах эмиграции китайских студентов и иных лиц, начали один за другим возникать союзы и организации, ставившие своей целью радикальные перемены в стране. Организации издавали газеты и журналы, в которых излагались программы их действий, печатались лозунги и призывы, порой также серьезные аналитические статьи. В 1902–1903 гг. Сунь оживил деятельность своего союза и создал ряд его новых филиалов. Именно к этому времени относится и окончательное формирование основ его доктрины – знаменитых “трех принципов”: национализм (свержение династии маньчжуров), народовластие (республиканско-демократический строй) и народное благоденствие. Вслед за тем Сунь Ят-сен посетил ряд стран и провел большую работу по сплочению единомышленников, прежде всего среди активных эмигрантов. В 1905 г. он созвал в Японии учредительный съезд членов разных, организаций, создавший

“Объединенный союз” (Тунмэнхуэй). Став во главе союза и начав издавать журнал “Миньбао”, Сунь Ят-сен приступил к пропаганде своих идей (трех принципов) и программных документов организации, включая проекты конституционного устройства будущего Китая (в значительной степени по европейской модели) и ликвидации социального неравенства.

Призывы к конституционным реформам не миновали и ушей пинского правительства, которое сочло за благо опередить события и, в свою очередь, поставить вопрос о конституционной монархии с парламентарной системой. Обещания на этот счет, вначале смутные, были затем, под нажимом со стороны реформаторов и под влиянием мощной – в духе классической конфуцианской нормы – петиционной кампании 1907–1908 гг., выражены в форме проекта, предлагавшего созвать парламент и ввести в действие еще не разработанную конституцию в 1916 г. Этот проект мало кого устроил, а смерть всесильной Цыси в 1908 г. резко ускорила ход событий. Спор теперь в открытую шел о том, вести дело к революции или нет: реформаторы считали, что революционный взрыв спровоцирует державы и приведет к разделу Китая; революционеры же полагали, что революция как раз спасет Китай от гибели и сплотит его народ.

Тунмэнхуэй взял курс на подготовку вооруженного восстания, рассчитывая при этом на поддержку многочисленных в Китае тайных обществ, издавна в кризисное время поставлявших многочисленные отряды восставших. Расчет был достаточно верен: кризисные явления в стране все сильнее давали о себе знать и крестьяне то здесь, то там брались за оружие. В ответ на это цинские власти попытались было проводить более жесткую политику. Был, в частности, снят с должности и уволен сделавший карьеру после предательства 1898 г., но продолжавший считаться достаточно либеральным генерал Юань Шикай, пользовавшийся поддержкой держав. Жесткая политика вызвала еще большее недовольство и привела к новой волне массовых выступлений. Началось также брожение в войсках, где активно действовали агитаторы Тунмэнхуэя.

Словом, в стране назревал революционный взрыв. В январе 1911 г. в Гонконге был создан штаб восстания во главе с помощником Сунь Ят-сена Хуан Сином. И хотя попытка поднять восстание в апреле 1911 г. в Гуанчжоу потерпела провал, а Хуан Син едва спасся, революция была уже неотвратима. Попытки предотвратить ее путем предоставления взбудораженной общественности новых уступок, в частности, в форме провинциальных Совецательных комитетов с ограниченными полномочиями (1908–1909), в виде формирования нового – по европейскому образцу – кабинета министров (май 1911 г.), уже не могли помочь. Восстание 10 октября 1911 г. в Учане привело к свержению императорской власти. Маньчжурская династия рухнула, как карточный домик. Власть в стране оказалась у руководителей на местах. На севере страны она постепенно стала консолидироваться в руках Юань Ши-кая, ставшего в ноябре премьер-министром и объявившего о созыве всекитайского парламента. 12 февраля 1912 г., в день “синь-хай” по китайскому календарю, монархия была официально упразднена. На юге страны вернувшийся в Китай Сунь Ят-сен был избран временным президентом Китайской республики со столицей в Нанкине, но после низвержения монархии и во имя единства страны он согласился отказаться от поста президента в пользу Юань Ши-кая. Премьером при Юань Ши-кае был назначен по условиям соглашения с революционным югом член Тунмэнхуэя Тан Шао-и.

В апреле 1912 г. в Пекине из членов Нанкинского собрания и депутатов от провинций был создан временный парламент. Но добиться создания ответственного перед ним правительства этот парламент так и не сумел. Больше того, бэйянские (представители северной группы армий) генералы принудили депутатов парламента проголосовать за министров, избранных Юань Ши-каем. Становилось очевидным, что Юань Ши-кай предпочитал править без санкции парламента и вел дело к созданию сильной центральной власти, даже диктатуры. Сунь Ят-сен, вначале было смирившийся с этим, осенью приступил к созданию на основе Тунмэнхуэя новой политической партии Гоминьдан, что было необходимо в связи с намечавшимися на конец 1912 – начало 1913 г. выборами в постоянный парламент. Но Юань Ши-кай, игнорируя созванный в апреле 1913 г. парламент, начал готовиться к борьбе с Гоминьданом, к вооруженному походу на революционный республиканский юг страны. Гоминьдановцы, составлявшие в парламенте большинство, мешали ему, и в ноябре 1913 г. он распустил парламент, а в начале 1914 г. также провинциальные и местные демократические учреждения. В марте того же года он открыто выступил против суньятсеновской временной конституции, принятой в Нанкине в 1912 г., а 1 мая 1914 г. опубликовал проект новой конституции, согласно которому президенту предоставлялись почти неограниченные права, а также восстанавливались многие должности, звания и титулы только что свергнутой монархии. В декабре 1914 г. облаченный в императорские регалии президент совершил торжественный обряд в храме Неба, что должно было символизировать верность имперским порядкам.

В январе 1915 г. Япония овладела захваченными Германией в 1898 г. территориями в Шаньдуне и, укрепившись на китайской земле, предъявила Китаю 21 требование, суть которых сводилась к превращению Китая в зависимое от нее государство.

Поторговавшись, Юань Ши-кай вынужден был принять значительную часть этих требований, что заметно усилило позиции Японии в Китае. Стремясь сыграть на этом, Юань Ши-кай сетовал на слабость власти в новом Китае, а усиление ее он видел в отказе от республиканского строя, в возвращении к монархии. Выдав свою дочь замуж за последнего китайского императора Пу И, он уже готовился к тому, чтобы провозгласить себя новым императором Китая. Но кампания за восстановление монархии вызвала сильное сопротивление в стране. Вновь заявил о себе регионализм: генералы, бывшие хозяевами в той или иной провинции, не хотели подчиняться центру. Юань Ши-кай вынужден был отказаться от своих планов восстановления монархии и вскоре после этого летом 1916 г. умер.

Смерть Юань Ши-кай сняла на время проблему восстановления монархии в Китае (в 1917 г. к ней попытался было вновь вернуться преемник Юаня Дуань Ци-жуй, планировавший посадить на трон Пу И, но его замысел потерпел неудачу), а главным следствием этого было ослабление власти в Пекине и постепенный переход ее, как упоминалось, к местным генералам-милитаристам. Как то не раз бывало в кризисные периоды в истории Китая в прошлом, на первый план в политической жизни страны вновь и надолго вышли военные. Парламент разгоняли и собирали вновь то в Пекине, то в Нанкине, но роль его была уже второстепенной: он мог лишь санкционировать свершавшиеся помимо его воли события, будь то назначение того или иного президента, изменение или восстановление конституции. В аналогичном положении находился и лидер китайской революции Сунь Ят-сен: то его избирали президентом, то он вновь терял этот пост, причем практически все зависело от воли милитаристов, обладавших

реальной властью в том или ином регионе на юге страны. На севере на протяжении ряда лет президентом был Дуань Ци-жуй, опиравшийся на военную клику Аньфу, с которой соперничала чилийская клика во главе с У Пэй-фу. Именно Дуань Ци-жуй настоял на том, чтобы в 1917 г. Китай официально объявил войну Германии.

Гоминьдан и борьба за единый независимый Китай

Версальский мирный договор, санкционировавший право Японии на германские владения в Шаньдуне, вызвал бурю возмущения в Китае, где надеялись на иные итоги войны, в которой и Китай принял некоторое участие, послав в Европу на тыловые работы своих кули. Возмущение вылилось в так называемое движение “четвертого мая” – в этот день в 1919 г. студенты вышли на демонстрацию протеста с требованием аннулировать уступки Японии (ее “21 требование”). Выступление пекинских студентов было поддержано широкими слоями китайской молодежи и интеллигенции и сопровождалось движением за “новую культуру”, результатом которого было введение в политическую публицистику, а затем и в литературу нового письменного языка байхуа, соответствовавшего разговорному. Это была подлинная культурная и литературная революция, позволившая приобщить к грамотности и облегчить образование для многих миллионов китайцев. Движение выдвинуло в гущу революционной борьбы новый мощный отряд китайской молодежи, немалая часть которой затем влилась в ряды суньятсеновской партии и оформившейся в 1921 г. Коммунистической партии Китая (КПК). Движение 4 мая способствовало также консолидации молодого китайского рабочего класса, что нашло проявление в его первых организованных выступлениях, в забастовках. Словом, это стало началом нового этапа в революционном процессе Китая, причем революция 1917 г. в России оказала немалое воздействие на те формы, которые это движение в Китае стало обретать.

В первую очередь это сказалось на оформлении партии Гоминьдан. Сунь Ят-сену с каждым годом становилось все очевиднее, что без собственных вооруженных сил революционная партия в Китае обречена на неудачи; в 1923 г., когда он вновь оказался у власти в Гуанчжоу, он начал вести работу по созданию новой партии и собственной армии. На I конгрессе Гоминьдана в 1924 г., в котором приняли участие и коммунисты, была провозглашена политика единого фронта, ядром которого должна была стать

спаянная дисциплиной и строго централизованная по советской модели группа революционеров радикального толка. С помощью советских военных советников – М.М. Бородин, П.А. Павлова, В.К. Блюхера – была налажена работа военной школы в Вампу, ставшей кузницей кадров революционных командиров и комиссаров. Авторитет правительства Сунь Ят-сена в Гуанчжоу возрастал. Гоминьдановцев стали поддерживать и некоторые милитаристы Северного Китая, как, например, Фэн Юй-сян. Гоминьдановцы, как и бывшие с ними в союзе коммунисты, вели активную работу в различных общественных организациях – студенческих, рабочих, крестьянских, особенно на юге страны. Постепенно закладывались основы для дальнейшего усиления власти революционного гоминьдановского юга. Смерть Сунь Ят-сена в марте 1925 г. была большой утратой для революции, но не приостановила уже наметившегося процесса. Создались условия для выступлений в поход на север, причем первым из них была крепкая революционная армия.

1 июля 1925 г. гуанчжоуское правительство объявило себя Национальным правительством Китая и начало борьбу за объединение страны. Вначале это была борьба за укрепление позиций на юге. После II конгресса Гоминьдана весной 1926 г. наметилась определенная перегруппировка сил в партии, в результате которой фактическая власть оказалась в руках Чан Кай-ши, ставшего главнокомандующим. В июле гоминьдановские войска выступили в свой знаменитый Северный поход, план которого был разработан при участии советских специалистов, в частности Блюхера. Результатом похода было присоединение к территориям, контролируемым Чан Кай-ши, Шанхая, Нанкина, Ухани и ряда других больших городов и многонаселенных провинций Китая. По мере продвижения и новых захватов в гоминьдановскую армию вливались переформированные отряды разгромленных армий генералов-милитаристов, так что к весне 1927 г. численность ее возросла едва ли не втрое. Естественно, изменялся и состав армии, и ее настроения: революционный дух постепенно выветривался, а традиционные нормы все ошутимее давали о себе знать. К этому следует добавить, что армия становилась опорой новой власти в завоеванных провинциях, где происходило сращивание военной и административно-политической функций, партийного и государственного аппарата, что всегда было нормой для конфуцианского Китая (конфуцианство как идейное течение и бюрократия как аппарат власти были в старом Китае синонимами).

Все эти процессы усиливали позиции главнокомандующего Чан Кай-ши, который весной 1927 г. провозгласил в Шанхае собственное Национальное правительство. Лидеры гоминьдановцев в Ухани, куда еще раньше переместилась столица прежнего Национального правительства из Гуанчжоу, вначале пытались сопротивляться этому перевороту, но осенью того же года Чан Кай-ши занял Ухань. Фэн Юй-сян и еще несколько северных милитаристов признали власть правительства в Нанкине, где отныне обосновался Чан Кай-ши. Объединение Китая на этом фактически было завершено. Все политические силы в стране, кроме коммунистов, резко осудивших переворот и начавших собственную революционную борьбу, признали правительство Чан Кай-ши. В конце 1928 г. ЦИК Гоминьдана принял официальное решение о завершении военного этапа революции и о начале политических преобразований.

Конечно, и в последующее десятилетие было немало военных столкновений. Но в целом это был все-таки период более или менее мирной политической консолидации, сложения новой государственности и формирования новых форм жизни. Какими же

они были. Что принесли с собой гоминьдановцы. Что было характерным для их политики. Первая четверть XX в., несмотря на сотрясавшие Китай революционные войны, была временем достаточно быстрого экономического развития страны, немалых изменений в образе жизни людей, особенно в городах, перемен в сфере образования, культуры и т. п. В экономике страны по-прежнему лидирующее положение занимал английский капитал, но по уровню инвестиций к нему быстро приближался японский. Доля национальной буржуазии была невелика и концентрировалась преимущественно в сфере торгового капитала, в мелких предприятиях. Зато все большее значение приобретала доля казенных предприятий. Унаследовав владение ими, гоминьдановское правительство центром своей социально-экономической политики сделало дальнейшее укрепление государственного сектора экономики. Оно взяло под свой контроль систему финансов страны – банки, страховые общества, налоговые и таможенные сборы, – а также создало сильный механизм государственного контроля над экономикой, государственного планирования экономического развития. Видные чиновники и ответственные лица правительства поощряли и частные вложения в экономику, сами вносили вклады в нее, но в смешанных государственно-частных предприятиях явно задавало тон государство, что вполне соответствовало китайской традиции. При этом существенно, что подобная экономическая политика сильного правительства, к тому же склонного ограничить прежние привилегии иностранного капитала, вела к быстрому возрастанию в экономике Китая доли национального (государственного и смешанного государственно-частного) капитала и к уменьшению влияния капитала колониального. Гоминьдановское правительство приняло ряд законов о труде, создало систему официальных государственных профсоюзов, установило минимальный уровень зарплаты. Был принят и ряд других законов, призванных гарантировать определенные права граждан, и в особенно право собственности, что поощряло развитие частного предпринимательства. Был принят аграрный закон (1930), который ограничил размеры арендной платы, установил потолок для земельных владений, выступил в защиту арендатора. Этот закон был призван погасить социальные конфликты в деревне. И хотя большого эффекта программа реформ не дала, ибо для проведения ее в жизнь у гоминьдановского правительства не хватило ни сил, ни времени, общий принцип был очевиден: сильное централизованное правительство в новом Китае опиралось в целом на привычные для китайской традиции методы регулирования социальных и экономических отношений в стране. Пусть стали шире открываться двери для новых веяний, методов и процессов, но страна в целом, особенно крестьянство, еще не очень-то готовое к переменам, управлялись в принципе теми же методами, что и прежде. Более того, сращивание политических, экономических и иных интересов на высшем уровне правящей группы вело к укреплению привычной для традиционного Китая (да и всего Востока) государственной системы управления хозяйством, той самой древней системы, в рамках которой государство выступает в функции верховного собственника и высшего субъекта власти, а олицетворяют государство и вершат дела его именем те, кто причастен к власти, кто составляет руководящий слой общества. Именно такая система администрации доминировала в качестве главной и ведущей в годы гоминьдановского правления Китаем, хотя справедливости ради следует сказать, что в эти же годы было немало сделано и для развития частнопредпринимательского сектора экономики и в принципе дело шло к постепенному превращению именно этого сектора в ведущий, как то и было продемонстрировано Гоминьданом во главе с тем же

Чан Кай-ши после революции 1949 г. на Тайване, куда эмигрировали гоминьдановцы, до того стоявшие у власти в континентальном Китае.

Японо-китайская война и победа КПК

Укрепившись на континенте (Корея, Маньчжурия) и все усиливая свои экономические позиции в самом Китае, Япония в середине 30-х годов начала готовиться к завоеванию этой страны. В июле 1937 г., не встретив серьезного сопротивления, японцы оккупировали значительную часть восточного побережья, включая Пекин, Тяньцзинь, Шанхай. В 1938 г. под власть японского командования попали Ухань и Гуанчжоу. Практически это означало, что все важнейшие экономические районы Китая, все его крупнейшие города были оккупированы. Ограничившись этим, японцы пригласили “новый Китай” принять участие в совместном с Японией и Маньчжурией (где во главе с Пу И было создано марионеточное государство Маньчжоу-го) установлении “нового порядка в Восточной Азии”. В оккупированном японцами Нанкине было создано новое правительство во главе с бывшим лидером гоминьдановцев Ван Цзин-вэем, тоже ставшим марионеткой японцев.

Чан Кай-ши, переместившийся вместе с Национальным гоминьдановским правительством на запад, в Чунцин, с помощью союзников, которая резко увеличилась с началом второй мировой войны, возглавил сопротивление Японии, пригласив включиться в антияпонскую борьбу вооруженные силы КПК. Но единству в этой борьбе мешали политические разногласия. Дело в том, что КПК выступила против гоминьдановской политики сразу после переворота Чан Кай-ши. Ею было организовано несколько восстаний еще в конце 1927 г., но они не имели успеха. VI съезд КПК, состоявшийся под Москвой в 1928 г., выдвинул задачу борьбы за массы и укрепление революционных вооруженных сил. В 1928–1930 гг. в ряде районов страны были созданы контролируемые коммунистами территории, где формировались Советы. В 1931 г. в Жуйцзине был даже созван съезд Советов, образовавший Китайскую советскую республику, просуществовавшую, однако, недолго. В середине 30-х годов КПК и ее вооруженные силы, правда, поставили вопрос о создания Единого фронта с гоминьдановцами в связи с японской агрессией, но с приходом к руководству КПК Мао Цзэ-дуна (1935) эта линия стала пересматриваться. После начала открытой агрессии

Японии в 1937 г. она была вновь выдвинута на передний план в качестве первоочередной задачи. Однако борьбу с японцами коммунисты предпочитали вести обособленно, сами по себе.

КПК закрепила за собой власть в контролируемых ею районах (северо-западные провинции Китая), где в 1940 г. проживало, по разным данным, около 50–100 млн. человек. Две армии, восьмая и четвертая, численность которых, включая отряды местной самообороны, достигала 500 тыс. бойцов, были немалой частью китайских вооруженных сил, противопоставленных японской агрессии. Существенно, впрочем, заметить, что рост контролируемых территорий и населения, увеличение численности армии и самой партии сопровождалось естественным процессом растворения немногочисленных идеологически ориентированных членов КПК в массе традиционно настроенного китайского крестьянства, которое видело в КПК не столько марксистскую партию, сколько сильную и сплоченную, спаянную дисциплиной и имевшую немалую реальную власть организацию, которая ставит своей целью восстановление социальной справедливости. Для традиционно ориентированного китайского крестьянства в годы кризиса и безвластия этого было вполне достаточно, чтобы активно поддержать КПК.

1941–1943 годы были достаточно тяжелыми для КПК. Стабилизация фронтовой линии и некоторые успехи гоминьдановцев в антияпонской войне позволили Чан Кай-ши потеснить позиции китайских коммунистов. С конца 1943 г. в связи с общими изменениями в ходе второй мировой войны КПК и ее армии вновь перешли в наступление, стремясь потеснить японцев в Северном Китае. А когда в августе 1945 г. СССР вступил в войну с Японией и оккупировал Маньчжурию, захваченные им военные трофеи способствовали укреплению базы КПК в Северном Китае. 1945–1949 годы прошли под знаком наращивания сил КПК и начала военных действий между ее вооруженными армиями и армиями гоминьдановского правительства. Как известно, эта борьба завершилась победой китайских коммунистов и образованием КНР.

Гоминьдановцы во главе с Чан Кай-ши эвакуировались на остров Тайвань. Как для континентального Китая, так и для Тайваня этот момент явился отправной точкой, началом нового отсчета их истории. Гоминьдановцы на Тайване довели до успешного конца преобразование, позволившие населению острова быстрыми темпами развиваться по капиталистическому пути и добиться немалого экономического эффекта. Континентальный Китай, КНР, оказался на долгие годы ареной гигантских социальных экспериментов Мао Цзэ-дуна, явно не способствовавших экономическому развитию страны. Только со смертью Мао в 1976 г. началась в КНР эпоха энергичных реформ, давшая за короткий срок немалые результаты и положившая начало преобразованию континентального Китая.